

«Павел! Павел!»

Г.Ю. Ясько

(Получена 18 октября 2006; опубликована 15 января 2007)

Статья о значении великого русского мыслителя П.А. Флоренского (22.01.1882 - 8.12.1937) к 125-летию со дня его рождения. Мы многим обязаны ему. Хотя бы тем, что он 1) открыл нам значение живописи как моста к «пневмосфере», пронизывающей ноосферу. Так он называл платоновский мир идей. 2) разработал одно из самых интересных учений о Символе, которое успешно соперничает с учением о Знаке семиотики. Так, что, - думается, - место З. Фрейда в сознании современных гуманитариев должен занять П.Флоренский. 3) дал интереснейшее учение о роде, дающее нам, в частности, представление о корнях конфликта между плюралистическим Западом и проходящим период распада родового строя Югом. Открывающее роль России как третьей силы, единственно способной разрешить этот конфликт.

Он смог сделать это потому что явился нам представителем нового типа мышления, которое зарождается в России с середины 19 века. О нём учил Вл. Соловьёв в своём учении о всеединстве, теурге и богочеловеке. Сегодня это мышление называют «космическим мышлением». Оно идёт на смену предыдущим трём типам: мифологическому, религиозному и научному. Это мышление основывается на т.н. «шестом чувстве», которым помимо Флоренского обладали и другие люди, скажем - Платон. Сегодня этот признак духовного аристократизма обнаруживает неподдельный свой демократизм, новый тип мышления всё громче заявляет себя.

Излюбленным орудием, которым Флоренский пользовался для того, чтобы вставить свои интуитивные прозрения в парадигму человеческого мышления явился богатейший понятийный аппарат теории множеств Георга Кантора. Способом мышления самого Флоренского была аритмология, - в узком смысле слова, аритмология - теория прерывистых функций. Широко, - это идея прерывности, свойственная по мнению Флоренского "миросозерцанию, идущему на смену аналитическим миросозерцаниям разного рода, в основе которых лежит идея непрерывности".

"Квантовость" и "прерывность" - это ведь близко?

*Выйдешь безлунною ночью в сад. Потянутся в душу щупальцы деревьев:
трогают лицо, нет преград ничему, во все поры существа всасывается тайна мира.
Мягкая, почти липкая тьма мажется по телу, по рукам, по лицу, по глазам и огустевает,
словно осаждается на небе, и ты - уж почти не ты, мир - почти не мир, но всё - ты и ты - всё.
Точнее сказать, нет границы между мной и не-мной. в корнях бытия - единство, на вершинах -
разъединенье. Это единство особенно чувствуется, когда идёшь по сельской дороге безлунно-
беззвёздною летнею ночью. Движешься - прорезываешь густую смолу, а расширившиеся, вросшие
друг в друга вещи так и мажут по щекам, по лбу. Первооснова сущего открыла недра свои, и не
знаешь - к чему нужна личность.*

П.А. Флоренский.

1.

«Моё давнишнее наблюдение. - Записывает П.А. Флоренский.- Как запоют «Иже херувимы», так подымается таинственный вихрь, дующий снизу вверх, и он уносит из эмпирий меня, служащего. С этого момента я перестаю быть, как все и со всеми, и

делаюсь и ным, и пребываю в ином месте. Это - полная изоляция. Ощущение такое, что всю службу подымаешься-подымаешься в гору, воздух делается реже, ветер сильнее. А как дойдёт до херувимской, так оказываешься на вершине, и тут ветер благодати срывает с вершины и уносит вон, и паришь в ином мире. Но как попадаешь обратно - на землю, мне не ясно». Что же это за человек, таким вот образом живший среди нас - простых советских людей, и убитый нами, - простыми советскими людьми.

Великий русский гений Павел Александрович Флоренский (1882-1937) является мыслителем первого ряда. Как интерпретатор платонизма, по мнению лучшего знатока античности А.Ф. Лосева, он стоит рядом с Гегелем. Вспомним: европейская философия вышла из рук Платона. Вспомним: платонизм есть типическое выражение внутренней жизни, поскольку он влился возбуждающей струёй в религиозную мысль всего человечества - пантеистическую, христианскую, магометанскую, иудейскую - постольку он явился самым мощным ферментом культурной жизни; поскольку терминология и язык платонизма оказались наиболее приспособленными для выражения религиозной жизни - постольку и корни платонизма суть общечеловеческие, естественные корни религиозности, - тогда нам станет понятно и значение интерпретации платонизма. Платонизм шире учения самого Платона, хотя в Платоне он нашел себе лучшего из выразителей. Учение Платона - это пересказ философским языком истин, открытых ему при посвящении в Мистерии. Платонизм же может быть понят как прирождённое человеку, «прежде, нежели Платон был», вне всяких школ и систем мысли, - некоторое духовное устремление, как указующий перст от земли к небу, от долу - горе.

Флоренского так же называют «русским Леонардо», во всех областях науки, в которых он работал, Флоренский демонстрировал полное владение предметом, чуждое всякого дилетантизма. В математике, в философии, в истории философии, в искусствоведении, физике, почвоведении, он не просто «внес вклад», а проложил дорогу новым поколениям по 27 направлениям этих наук. (2)

Чтобы дать представление о масштабности его открытий, остановимся всего на трёх из них. Первое. Флоренский подарил людям живопись. Имею в виду: именно он открыл и впервые научно обосновал роль и значение живописи в жизни человека. Рисунок, живопись сопровождают человека практически всё время его эволюции на земле. Что говорит о крайней необходимости этого рода его занятий. И всё это время среди лучших умов не прекращается полемика - в чем значение этого вида деятельности человека, почему он с такой страстностью придаётся ей? Вспомним Аристотеля: «Знаменитое наблюдение Аристо гласит, что в искусстве нам нравятся изображения, как можно более похожие на реальные вещи, причем нравятся именно потому, что зритель видит и знает: на самом деле здесь не реальная вещь, а имитация - и восхищается он не тем, что его обманули подделкой, а именно тем, что он видит имитацию и не обманывается, но способен оценить и мастерство имитатора и порадоваться своему умению не поддаваться ему». (3). То есть живопись, по Аристотелю, доставляет человеку хозяйское, приятное ощущение власти над иллюзией и обманом, царящими в мире. (Заметим в скобках: столь плоское объяснение вызывает оторопь и кажется недостойным отца европейского рационализма.) Флоренский же в своих знаменитых работах «Иконостас» (1918-1920 годы) и «Обратная перспектива» (1919 год) впервые в истории показал нам, что задача изобразительного искусства состоит в том, что оно устанавливает и поддерживает жизненно необходимые связи человека с мирами иными, горними, с платоновским миром идей, прототипов всего существующего на земле. Что

даёт ему необходимую для его ума и души пищу: энергии, идеи и образы. Делает его разумным, а его участие в эволюции сознательным.

Изображения являются «окнами» в иные миры, откуда в душу человека веют животворящие влияние прекрасного, того, что человек называет «благодатью», «духом». Они являются так же и «дверями», через которые человек может входить в миры иные, ими же, в свою очередь с высших планов бытия ему могут являться представители Царства Небесного. Люди всегда ощущали жизненно питающее ум и душу воздействие изображений, некоторые догадывались и о механизме воспитательного процесса, но только Флоренскому удалось окончательно прояснить этот вопрос, снять ещё одну завесу между человеческим и Божественным. Помните эпизод романа Фаллады: во время экономической катастрофы 20-х годов, внук одного немца уехал из Германии в Америку. Тогда в Германии царила гиперинфляция. Россиянам не нужно объяснять, что в таких условиях значит для человека твёрдая валюта. Внук присылал деду доллары. Дед принимал их за картинки и обклеивал ими двери. Таким образом, лишая себя тех жизненных благ, которые он мог бы получать за доллары. Так же и люди, не знакомые с открытием Флоренского, смотрят на картины как на предметы украшающие интерьер. Тем самым они не получают главного - Божественного воздействия прекрасного. Ф.М. Достоевский сказал: «Красота спасёт мир». Н.К. Рерих уточнил эту космическую формулу: «Осознание красоты спасёт мир». «Осознать», значит открыться, допустить до своего сознания, принять в свой внутренний мир, усвоить. Флоренский открыл значение живописи, объяснил её роль - сделал это усвоение возможным. Так что, благодаря ему, красота иных миров, её ни чем не заменимая энергия сегодня может работать в сознании культурного человека в полную силу.

Говоря о действии художественного произведения на отдельные лица, на общество в целом, давая представление об искусстве, как об умении открывать «окна» и «двери» высшей реальности («реальнейшему») в реальность земной жизни, Флоренский пишет: «Художник, или поэт, создавая тело для некоторого духовного начала, далее уже не властен прервать стремительный поток энергии, текущей из нового центра; и вот, этот новый центр образует по своему образу и личности, вовлеченные в сферу его влияния. Эпидемия самоубийств, вызванная «Вертером»; мировая скорбь, текущая от «Фауста»; демонизм, распространившийся от поэм Байрона, и т.п. массовые действия имели источником уже не Гёте или Байрона, а Вертера, Фауста, Корсара или Каина, ворвавшихся в мир чрез дверь, приоткрытую поэтом, и затем, как трансцендентные сущности, вселившихся в души. Но и до вселения своего и после вселения Вертер, Фауст, Онегин и прочие продолжают быть независимыми как от тех, в кого они вселились, так и от тех, кто дал им волю. «Idees-forces - идеи-силы», если воспользоваться термином Фуллье, представляют уже настолько высокую степень трансцендентности, что могут рассматриваться как почти самостоятельные существа. Те статуи и картины, которыми окружали в Элладе чревоносящих жен, дабы младенец сформировался под их воздействием, - разве они, в отношении к младенцу, не должны рассматриваться как *идеи*, и при том, как трансцендентные? Далеко ли это подхождение к идеализму от строгого реализма?» (1,136)

От «зримого нами здесь и теперь, тянутся бесчисленные нити к иному... к бытию вселенскому, к полноте бытия. И нити эти - нити живые. Это артерии и нервы, делающие из обособленного <единичного> - ж и в о й организм живого существа. <Единичное> кажется чем-то само-замкнутым и плоским. Но это так - только кажется. Присмотритесь к нему - и вы увидите, что оно и не замкнуто в себя и не плоско. Оно благоуханно. Оно окружено венком, лучи которого сливаются с венками иных бытий. Оно

имеет глубину, переходящую в длинные корни, вливающихся в миры иные и о т т у д а получающие жизнь. Тон его - не сухой уединённый тон камертона, но живая гармония, осуществляемая рядом гармоничных верхних, суммовых разностных и т.п. тонов. Оно бесконечно больше и содержательнее, чем оно есть рассудочно.

Милый друг, иль ты не видишь,
что всё видимое нами,
только отблеск, только тени,
от незримого очами?
Милый друг, иль ты не чуешь,
что весь этот гул трескучий
только отклик искаженный
торжествующих созвучий?» (1,84)

Высшее начало познания и бытия - идея - не могло быть связано в конкретном опыте ни с чем, кроме зрения и зримого. Видения посвященного в Мистерии Древнего Мира, как и пророческие видения христианских аскетов, как и священные изображения, суть именно конкретные созерцания, но вовсе не отвлеченные построения и требования богословия. «Для нас, - пишет Флоренский, - философия гораздо более рассудочная и извне присоединённая к нам деятельность, нежели это было у греков. Ведь для них философия была не украшением жизни, а внутренней красотой её, раскрытием их психологической и общественной организации». (1,117). Задачей посвящения было именно то, что ставила себе задачей и философия и изобразительное искусство - развить способность мистического созерцания и непосредственно лицом к лицу зреть «таинственные видения». Само же слово «идея» имеет смысл - богоявления (в Мистериях). Вот в чём коренится естественная роль живописи. Об элевзинских Мистериях говорили, что смысл их - научить географии иного мира, чтобы, попадая туда после кончины, человек не растерялся, не заблудился, но пошёл как по знакомой местности. Сегодня эволюция ставит перед нами задачу - уже при земной жизни делаться сознательными обитателями иных миров. Живопись не просто даёт человеку карту потустороннего, а укрепляет жизненные связи с ним. Она помогает полуосознанные отправные точки потусторонней деятельности, стихийно формирующиеся в душе человека, соотнести с реалиями иных миров через конкретные образы этих миров, запечатленные художником. Так уже при земной жизни устанавливается живая связь с реальностью высшей. Человек осваивает новые жизненные пространства.

«Провозглашая догмат иконопочитания, вселенский смысл человечества определил природу изобразительного искусства, как ценную безусловно. Согласно этому провозглашению, эстетический феномен, на своей вершине, как икона, а следовательно - и вообще искусство, хотя и не столь вразумительно, как высший его род, не есть только комбинация внешних впечатлений, поражающая нашу способность впечатляться, но - воистину явление, в чувственном и посредством чувственного, сущей действительности, - нечто безусловно достойное и вечное. Искусство *«напоминательно»*, по учению отцов VII Вселенского Собора. Наши современники, позитивистически настроенные, охотно ссылаются на это учение; но они делают при этом глубокую историческую ошибку, модернизируя это слово *«напоминательность»* и освещая его в смысле субъективизма и психологизма. Нужно твёрдо помнить, что святоотеческая терминология есть терминология древне-эллинического идеализма и вообще окрашена онтологией. В данном случае речь идёт отнюдь не о *субъективной* напоминательности искусства, а о платоновском *«припоминании»*, <...>, - как явлению самой идеи в чувственном: искусство

выводит из субъективной замкнутости, разрывает пределы мира условного и, начиная с образов, через посредство образов, возводит к первообразам, <...>, -от экипов через типы к прототипам. Искусство - не психологично, но онтологично, воистину есть откровение первообраза. Искусство воистину показывает новую, доселе неизвестную нам реальность... (иных миров - Г.Я.) Художник не сочиняет *из себя* образа, но лишь снимает покровы с уже, и притом примирно, сущего образа: не *накладывает* краски на холст, а как бы расчищает посторонние налёты его, «записи» духовной реальности. И в этой своей деятельности, как открывающий вид на безусловное он сам в своём искусстве *безусловен*: Человек безусловен в своей деятельности...

На нашу оценку, мысль эта бесспорно ясно вытекает из идеи воплощения, из идеи воплощаемости и воплощенности Абсолютного Смысла бытия; нам ясно, что обожение человека влечёт за собою, необходимо влечёт, и безусловную ценность его деятельности. А с другой стороны, наша убеждённая в подлинной значительности искусства явным *предусловием* своим имеет общее утверждение о воплощаемости и воплощенности Безусловной Ценности». (18.383-384).

Второе великое открытие Флоренского ещё более грандиозно. Утверждают (3), что главные властители дум XX века К.Маркс, Ф.Ницше, З. Фрейд в своих трудах пользовались одним приёмом - редукцией: сведением всей цветущей сложности жизни к простому, даже примитивному. Маркс всю жизнь общества сводил к классовой борьбе, Ницше всё богатство культуры сводил к проявлению воли к власти, Фрейд всю сложность внутреннего мира человека видел в том, что «носители ответственности, знания, порядка и дисциплины, чаще всего вырастают из тех младенцев, которые в своё время открыли эротическое наслаждение в задержке дефекации. Они, скажем прямо, артачились на горшке, и из этого младенческого безобразия произошли и произросли социальные и культурные добродетели взрослых и почтенных людей - склонность к бережливости и порядку, дисциплине". (3, 68)

Практически вся сегодняшняя гуманитарная наука базируется на этом постулате Фрейда. Чей призрак стоит уже более ста лет над нищающей душой европейца. Главный термин современной европейской гуманитарной науки - «Знак» - порождение фрейдизма. Знак не связан с означаемым никаким сущностным образом, разве что чисто условно.

«В таком случае порядок и гармония - это всегда фикция и конвенция. Истина и смысл, как и вера в Бога, будучи системой знаков, вовсе не являются абсолютами мыслящего человека. Это не то, во что нельзя не верить, а просто комфортабельные значки людских знаковых систем. Людям с ними покойнее жить. На самом деле первичны, скорее, как раз хаос, бред, инстинкт суицида, демоническая и монструозная стихия, а если говорить менее романтично - голос тела и желания... Привлекательность рации и морали в том, что эти знаковые системы помогают упорядочивать процессы в обществе и культуре. Признавая же примат тотальной свободы от норм и сверхценностей, мы рискуем рухнуть в неуправляемый поток безумия. Там и есть, собственно говоря, наше законное место. Вопрос только в том, какая форма психоза делает нас свободными и счастливыми: напряженная, истерическая бескомпромиссная параноидальность либо раскованная, вольная шизофреничность». (3,45)

Философские культурологические, искусствоведческие, социопсихологические рассуждения на эти темы и в этом фрейдистском духе за сто лет своего распространения в умах европейцев и превратили этот тип человека в манекен, не способный ни только к творчеству, но и к самозащите, к самой жизни. Что ставит под сомнение способность

Запада защитить себя и от поднимающейся ныне волны террора. Эта разруха началась в головах европейца. «Научное обоснование» саморазрушения арийца: учение о «знаке», дало «научную санкцию» на окончательный разрыв его разума с Мировым Разумом, а его души с Мировой Душой. Пафос обособления человеческого «я», затем эгоизма, затем ненависти, и, наконец, абсолютного нигилизма лежит на дне термина «знак». Т.е. познавательный нигилизм семиотики в части учения о «знаке» - отрицание всеобщности знания - простирается так далеко, что даже научный скепсис теряет смысл. Здесь наука отрицает себя саму.

Между тем, место 3. Фрейда в сознании современного человека должен занимать Флоренский, место термина «Знак» в современной мысли должен занимать термин «Символ», выкованный им. Символ (по Флоренскому) – «это нечто, являющее собою то, что не есть он сам, большее его, и однако существенно через него объявляющееся». Символы являют нам истинную реальность – платоновский мир идей. В символах истинная, высшая реальность иных миров входит в нашу жизнь. Символы - это спасительные мосты идущие с Небес к оторвавшейся от них земле, к человеку, оказавшемуся в пучинах хаоса.

Флоренский пишет: «... символика не измышляется кем бы то ни было, не возникает через обусловливание, а *открывается* духом в глубинах нашего существа, в средоточии всех сил жизни и отсюда *изводится*, воплощаясь в ряде последовательных, друг на друге наслающихся оболочек, чтобы наконец родиться от познавшего и давшего ей воплотиться созерцателя. Основа символика – не произвол, а сокровенная природа нашего существа: язык символов, - а он и есть *вообще* язык, ибо и язык словесный символичен, хотя есть язык языка, - язык символов заложен в нас в самом творении нас, и при том *не* как врожденный, то есть к нам *присоединенный*, и потому могущий быть и могущий *не* быть, а как неотделимый от самого существа нашего, как такой, без которого мы не были бы вообще возможны, то есть как априорный. Он недрится в глубочайших наших основах... Основа символика - сама реальность. Вот почему священные книги всех народов, мудрецы, мистики и поэты столь единодушны в языке символов: они открывают его в себе, а не сочиняют его... И посвящение не извне привносит в нас язык символов, но раскрывает и воспитывает врученные ему задатки. Может быть, без такого воспитания в некоторой исторической среде некоторого сверх-народа, каковым должно считать всю организацию посвященных центров в ее целостности, может быть, без этого прикосновения к над-индивидуальным общественным силам не может проявиться сокрытый в возможности символический язык: думаю так, но тем не менее, этот язык исходит по существу своему из недр личности». (5)

Третье из важнейших открытий Флоренского заключается в его учении о роде. Проблема индивида и среды (индивидуума и рода) - вот «вершина основного вопроса философии, и надо ничего не понимать в философии, чтобы не видеть этой проблемы». Эта же проблема - основной вопрос русской жизни. Достаточно вспомнить «Горе от ума», чтобы согласиться с этим. Но мы вспомним и Лермонтова, и Достоевского, и Толстого, и Маяковского, и Есенина, и Цветаеву, и Скрябина, и Губайдулину, и Шнитке, и основную проблематику, больной нерв периода 1985 - 2006 годов, чтобы увидеть актуальность этой проблемы для России.

Индивидуализация, персонализация человека, выделение его из среды, из своего рода - это веление времени. Загадочный текст, найденный в бумагах Вл. Соловьёва, вставка в рукописи о Шеллинге, написанная изменённым почерком, - мелким, слова написаны как правило слитно, отсутствует авторская пунктуация; словом написанный

автоматическим письмом, гласит: «Вы должны узнать, что наступает время, когда вселенная *universum* станет снова *unum*. Теперешний мир есть *unum versum*, или единое извращенное, или вывороченное наизнанку. Отчего же существа страдают и стремятся к тому лучшему состоянию? Они находятся в ненормальном противоестественном состоянии, что есть противоречие: каждое существо сознаёт себя как частное и ничтожное условное явление в мире изменений и оно же чувствует себя всем средоточием вселенной? Это противоречие исчезнет только тогда, когда каждое существо, сохраняя свою частную индивидуальность, будет вместе с тем чувствовать в любви и сознать в разуме своё внутреннее действительное, а не отвлечённое единство со всеми другими как единичные положения единого существа.

А для этого должен исчезнуть обман вещественного, внешности, разрывающий связь миров. Настала пора! Человек у вас на земле возвысится надо всяким внешним непосредственно данным природным единством и общением. Все естественные связи порываются, исчезает семья, падает национальность, общество, государство. Предание всякое, вера отцов на словах только, не в умах и сердцах.

Одиноким стал человек в вашем природном мире, свободен стал ото всех связей его и ближе к нам, ибо наш мир есть свобода. Посему-то в стране крайнего индивидуализма, в стране свободной от иллюзий завязалась новая связь миров. Но свобода от внешних связей только отрицательное условие для совершенства, другое <-> вы народ избранный, люди Божии. *Ex Orient lux*. Памфил». (6)

А Флоренский пишет: «Род, для современного человека, есть совокупность, ансамбль, агрегат, логический объём, т.е. единство внешнее и механическое, - не более. Но для древнего - он был единством существенным, единым объектом знания. Наше зрение болезненно чувствительно к индивидуальному; ещё более чувствительно к нему наше жизне-ощущение и наше жизне-понимание. Индивидуализм... есть болезнь нашего времени. Но древний человек должен был усиливаться, дабы увидеть индивидуально-отъединённое, и должен был согрешить, чтобы себя ощутить таковым. Раздельность он видел актом нарочитого отщепления, и она представлялась ему виною, - «несправедливостью»... - как выражался Анаксимандр. Роковым «возмездием»... за эту вину было... уничтожение, растворение индивида в среде. Действительность виделась древнему человеку не как ряд раздельных точек и не как хаос, где смыты все расчленения, но как организм. Органы его, допускающие зреть себя отъединёнными, отчленёнными, - делаются таковыми лишь при особом усилии. Для всегдашнего же восприятия они суть одно. Таинственное единение образует род». (1,117) Одно во множестве родичей - род их. И то «одно», что сквозит во «всём» их - это энергия рода, или род своей энергией.

Атомизация нашего общества, которой мы достигли сегодня, привела к войне каждого против всех. Но и возвращение к древнему всевластию рода над индивидуумом уже невозможно и не нужно. Нужно новое сочетание интересов сохранения и продолжения рода и утверждения законного космического права индивидуума. Разрешение этой проблемы на земле невозможно оно возможно только на небесах, которые к счастью приближаются к земле с невиданной доселе скоростью. «С каждым днём».

«В огненном эфире небесных сфер, - там, где «хоры светлые светил», - там мысль искала особых знамений о земном», - писал Флоренский. Там он и нашел разрешение проблемы рода. Он анализирует предпосылки астрологии - сочувствия земного небесному. «Повторяясь в несметном количестве видоизменений, эта основная тема

принимает самые разнообразные оттенки и самые различные степени отчётливости. Но, может быть, крайним выражением её было использование в астрологии терминов биологических применительно к звёздному своду». Речь пошла о терминах генезис и генитура. Флоренский считает, что эти термины могут быть переданы через слово «семя». «Но мысль, лишь дремлющая в слове «семя» примечательно раскрывается в термине *genitura*: будучи причастием будущего времени, слово *genitura* указывает на потенциальность того, чему предстоит родиться от него: *genitura* - настоящее некоторого будущего. Это - лицо некоторой жизни, но в свитой и эмпирически бесформенной почке. (...) То самое предначертание личности, которое незримыми линиями записано в капле семянной жидкости, оно же в письменах из звёздных лучей, читается на «огненной стене мироздания». Из эфирных лучей, или, как их называли <...> - излияния, или ещё *influentiae* - *влияния* или втечения, ткётся в материнском чреве тельце «человека, грядущего в мир»; и не капля семянной жидкости, а незримая ноуменальная сила, в ней действующая, есть истинная *genitura*. Почему ж не перенести и наименование *genitura* с этой капли на огненно-начертанные небесные письмена? Так и произошло. Вид или карта неба в момент рождения, или, по другим системам мысли, - в момент зачатия, стала называться *темою генитуры*... - просто *genitura*». (1,139)

«Живой свет звёзд» - вот семя, вид или идея рода. «Сначала, - говорит один из натур-философов, - сначала должно знать, что наружное семя не есть истинное семя, как простолюдин думает, но только хранилище истинного семени, которое невидимо, ибо ежели сие выдохнется, то оно не приносит никаких плодов; так и внешнее семя зверей есть только хранилище истинного семени. Сии духовные невидимые Семена называются от Философов разными именами, именуются или *созвездиями* по причине движения; *семенными разумами* или *корнем* будущих ради плодов; или *образами (формами)* ради сигнатуры или знамений; или *представлениями (идеями)* ради различных свойств рода, долженствующих впечатлеться телу; или *солнечными пылинками* ради неразделённой скорости и несчётного множества. - Описание же таково; семена суть духовные звёзды или созвездия, в первом творении в стихии от Самого Бога Творца насаженные, жизненной и искусство смыслящей силою напоенные, которые потом с помощью натуральных тел произведены на свет или на театр сего мира». Этот «живой свет» течёт, по мнению цитируемого автора, от высших существ в низшие. «Ибо в том, - говорит он, - содержится и вмещается Золотая Цепь Небесной Премудрости Гомеровой, Лествица Иаковля, и круглое натуре обхождение, когда из Бога, яко первого источника, река благодати течёт в Ангелы, из Ангелов в звёзды, или созвездия, из звёзд в сердце и средоточие натуре, для порождения всеобщего семени в стихиях, из стихий в натуральные тела зверей, земных растений, руд, из сих тел отводится к малому миру человеку». (1,140)

Мысли об определённом *живом лике* идеи Флоренский находит в разных сочетаниях и при том, во многих случаях всплывающими на всём протяжении истории как древней, так и новой. Но вот А.Ф. Лосев (1,522) считает эти мысли «выдающимся открытием» самого Флоренского, называет «новым пониманием платонизма». Впрочем, Флоренский часто в разных своих трудах почти дословно повторял одну мысль: писатели делятся на два типа: на тех, кто чужие открытия выдаёт за свои, и на тех, кто свои открытия выдаёт за общепризнанные истины...

Флоренский пишет о гении рода, как об идеальном начале, горнем существе, образующем род и покровительствующем ему. «Коренное значение слова *g e n i u s* указывает всё на то же понятие рождения, так существенно связанное с понятием о жизни. (...) Он р о д и т е л ь, истинный родитель членов рода, ибо жизнь свою получают они не

как вообще жизнь, а как жизнь рода, как полноту видов, хотя они осуществляют и не все виды в роде содержащиеся, а лишь каждый - свой. Род как реальность, как высшая реальность хранящая членов своих, мыслится идеальной личностью данной родовой крови, данного родового семени, как *Genius*. Гений - это и есть род, в его верховном аспекте». (1,143)

Сами же представители рода - люди, персоны, индивидуумы являются воплощениями идей следующего за Гением порядка, атомами Его звёздного тела. (К слову, латинское слово «индивидуум» переводится на русский как «неделимый»). «В разных степенях отдаляемые от эмпирии (м.б. «эмпиреи»? - Г.Я.) и вводимые в эмпирию, *universalia* (идеи - Г.Я.), по мере своего оплотнения, возбуждают новые вопросы - об идеях идей, ибо и они, друг в отношении друга, оказываются единичностями, требующими высшего над собою начала. Возникает учение об иерархии горних сущностей, и вся пирамида идей восходит к верховной точке своей - к идее идей... к Богу, как Сущности всех сущностей, ибо только в Нём они получают и свой разум и свою реальность». (1,144).

Мы же здесь подчеркнём крайне важную мысль. На каком-то этапе своей эволюции человек от «художества» как воплощения «других» идей, должен перейти к «художеству художеств» к воплощению, к раскрытию потенциала своей «идеи», своей монады, «зерно-атома» (12) своего духа. То есть из объекта эволюции он должен стать её субъектом. Вот в чём его эволюционная задача, вот здесь и разрешение проблемы рода, проблемы индивидуума как потенциального звена великой Иерархии Света.

Итак, проблема рода-индивидуума разрешима только в мирах иных, в платоновском мире идей. В земном мире она неразрешима, в силу ограничений, накладываемых условиями земного существования на воспринимающие способности человека. Вернее, так, она будет разрешаться и в земном, по мере того, как эти способности, сознание человека будет расширяться. Что означает: не то, что все будут «читать Флоренского», а то, что реалии высших миров по мере развития в людях «шестого чувства» будут становиться реалиями обыденной жизни человека. С другой стороны, должно произойти Откровение иных миров, горних в земной жизни человека как результат космического процесса сближения миров. Этот апокалипсический процесс уже пошел.

Сегодня же, на земле Адама - человека и человечество слагают (по Флоренскому) два начала:

1. **родовое:** безличное, иррациональное, стихийное, дионисийское, «титаническое», «люциферианское». Фарисейство. Консервативное, охранительное начало. «Инь». «Бытийно, но глупо, безумный напор».
 2. **личное:** аполлинийское, рациональное, «дьявольское». Действующее по принципу самоопределения личности «во имя своё», вплоть до отделения не только от своего рода, но и от Рода Человеческого. Софистическое. Саддукейское, либерально-прогрессистское начало. «Ян». «Умно, но пусто, бессильный упор».
1. Начало родовое: бытийственное, иррациональное, стихийное, «дионисическое» или «титаническое». «Продолжая наше тело, эта деятельность по существу есть именно та, что строила наше тело. Она - прибор стихий. Это слепая, напиральная мощь, не знающая никакого удерживающего, - не знающая, ибо действительно не познаёт

его, не познаёт же, - сама не имея в себе *смысла*. Это - начало расторжения. ... Оно вечно алчет, вечно напирает, вечно бунтует. ... Безликое - это чистая мощь, - в которой начало вещей; это - рождающая бездна; это - слепой напор. Это начало *родовое...*» Эта сила, которая позволяет исполнять директиву «плодитесь и размножайтесь», наполняйте представителями своего рода кору земли. «Безликое старается волнами своими прорвать всякую преграду - всю «ограду закона», по выражению Талмуда, ибо закон есть грань и определённость, определение конца: «досюда - и не далее», предел мощи: «Доселе дойдешь, и волны твои в тебе сокрушатся». Но существо мощи - именно в раскрытии себя, доколе не иссякнет самая бытийственность её».

2. Начало личное: рациональное. *Лицо* же, «разум», «ум» - «полагает меру безликой мощи человеческого естества, ибо деятельность лица именно в *мерности*, в ограничении и в наложении определений и границ. Эту деятельность связывания и ограничения называют началом *аполлинийским*».

Суть этой деятельности - в «неизменном требовании доказанности всякой данности. Ни одно бытие не принимается как таковое, как данность: всякое должно подтвердить своё *п р а в о* на бытие, т.е. предстать нашему духу в своём смысле, в своём ЛОГОСЕ. Ничто не м.б. просто данным, просто положительно. (От слова «положили»? «Положено». «Не нами положено, путь себе лежит». - Я.Г.) Всё должно быть оправданным, д.б. данным в правде его. Путь этот состоит, следовательно, в постоянной *клевете* на бытие - в оклеветании его истинности, хотя на самом деле неистинность его не доказана и, напротив, требуется *доказать* его неистинность, т.е. втайне предполагается, что оправдание возможно, ибо бытие и есть в истине. ... А явно бытие само по себе еще отнюдь не признаётся смыслом и потому методически оклеветывается ... в требовании оправдания - в требовании предъявить свой смысл. Дьявол - клеветник...

Но так как оправдания конечному, как таковому, быть не может и всякий конечный смысл условен, т.е. сам требует себе смысла, его обосновывающего, некоторого достаточного основания, то путь клеветы непрерывно ведёт от реальности к иной реальности в поисках смысла твёрдого и обращается затем *скачком*, разрывом своей непрерывности - к реальности абсолютной... Переход этот на дьявольском пути отнюдь не необходимость, ибо дьявольский путь м.б. продолжен сколь угодно далеко, б е з надежды встретиться с бытием абсолютным...»

Цель эгоистического пути, пути рационалистического, - обнаружить, что Истина открывается, предельно доказывается сама собою, высшей, Божественной Индивидуальностью, смыслом смыслов или Логосом. К этому обнаружению ум приводит скачок, прерывание дурной бесконечности «доказывания», или схематического, отвлеченного «приведения» одного конечного смысла к другому конечному смыслу. Прерывание логической цепи, это своего рода самоубийство разума: убийство логики, которая ведь от Логоса - это одно из Имён Бога. Источник логики - не зло, а благо, Логос, Бог и в правом утверждении ведёт ко благу, к своему источнику, Свету Истины. «Зло же - как отъединённое самоутверждение разума, но он уклоняется от Бога и потому не доходит до абсолютного смысла. Дьявол есть умный, но только умный, не бытийственный дух».

Цель родового, бытийственного, титанического пути - та же. Свет Логоса, в котором гасится ярость нашей стихийности, стынет гнев на Бога, давшего бесконечные возможности и не давшего самой бесконечности, «абсолютности».

Ведь суть бытийственного, «дионисического» начала человека - «в неодолимо ширящемся захвате, в алчбе безграничной свободы, в неуёмном голоде по *реальности*. Ненасытимостью бытием и непризнание смысла, поскольку он немощен, - вот двигатель этого пути. Всякий смысл должен *мочь* реализоваться: что бессильно - то и неистинно. Сильно же то, что удерживает напор». Потому «титанический» путь - « в испытании всего, в одолении всего, в расторжении всякой препоны, всякой полуреальности. Гневом на истину горит титаническое - обо истина тщится остановить напор - и не может, бессильная. И прибор подымается выше. Ничто не может быть выше его - ибо он бесконечный. И он рвёт, ломает уносит всё встречное - ибо нет для него ценности смысла, ибо не видит и не знает он смысла. Ему, бесконечному, померяться бы с мощью Бесконечного - её он признает». И он стремится к окончательной грани, которой стоит перед ним высший, окончательный, (изначальный) Смысл - Логос.

«Как спасти человека? Как умирить гнев его? Недоступное уговорам, гневное сердце, опираясь на свою, отраженную, правду, не помирится - не предав правды своей. Титаническое *не может* отступить от своего восстания - ибо не покорность нужна, а внутренний мир, мира же не может быть, где предана будет одна, либо другая правда. Аффект, раз возникший, должен быть выявлен - до конца. Гнев на Бога удовлетворится только победою над Богом - Его растерзанием, его убиением, Его кровью. Титаническое неистовство победимо лишь предоставлением ему полной победы: оно должно изжить само себя. Боговоплощение, богомучение, богоубийство... Тогда лишь наступает тишина. В страданиях и крестной смерти Христовой человечество сорвало свой гнев на Бога - и тогда только иссяк гнев и залечились раны души. И тогда помирилось оно с Богом - а потому - и Бог с ним». (9)

Кроме деления «по горизонтали», на представителей *личного* и *родового* начал, человечество делится и «по вертикали» на индивидуумы, - «монады», «идеи» и на личности - олицетворяющие эти идеи на земле символы. Нетождественные реально, по бытию, но тождественные по идее объекты - люди имеют различия во временно-пространственном измерении. И эти различия не есть нечто условное, не касающееся объекта как такового. Изменения энергетики личности, проходящей серии земных испытаний, испытаний преходящим, злобой дня, приводят к существенным внутренним изменениям. Не на уровне «духа»: (идеи или монады, которая неизменна), а на каком-то срединном уровне, на уровне одного из «тонких тел» человека, скажем, на уровне «души». То есть на сегодня мы имеем два человечества. Корень деления человечества «на два», а теперь ещё и «надвое», (по Флоренскому, согласно любимой его теории множеств) в следующем.

«Множественность должна быть реальна, самостоятельна и носить в себе различия. Тогда только, будучи объединена, она даст действительное полнозвучное многообразное Единство (Богочеловечество). Но чтобы быть самостоятельной, она должна быть свободной и, в качестве таковой, элементы её должны свободно подчиняться Единству или хаотическими взрывами самоутверждения действовать против него. Но с другой стороны, возможность и наличность такого самоутверждения нарушала бы Единство, долженствующее объединить множество, потому что ведь множественность должна быть свободна и не должна быть связана насильно Единством. Значит, та множественность, которая связана от века Единством, и та, которая свободна в своём подчинении Ему или неподчинении, которую *ещё* нужно объединять Единству - эти две Множественности различны. Ради краткости (быть может и неверно) первую, уже объединённую Единством, мы станем называть Софией, вторую Великой Матерью... («Афродита Небесная» и

«Афродита Земная»; София и София Ахамот; Церковь Христова и «христианство» и т.п. - Г.Я.) Но, устранив противоречие в термине «множественность», мы, по-видимому, уничтожим всё, сделанное ранее. Ведь Единство - Логос, объединившее от века Софию, [не есть] так что получилось Единство реализованное - Христос небесный. Это Единство Христос должен был объединить Великую Мать. Он же объединяя Софию, по-видимому никак не относится к Великой Матери. Но это не так...

Элемент множественности Матери, - монада - не может из себя установить единства с другими. Великая Мать не может собраться во единство сама. Не будучи единым, она не может в качестве единого так же от себя обратиться к Христу-Единству... С другой стороны, элементы монады свободны и ничто не может их собрать против их самоутверждающей воли. Христос небесный потому не может против воли элементов объединить Великую Мать, как она сама не может обратиться ко Христу Небесному. Значит, элементы монады должны сами, от себя обращаться ко Христу небесному, к единству. Но в нём уже должна быть дана *вся* множественность, иначе, - иначе он не был бы Единством всего, полным единством, а был бы монадой - должен, значит как-то быть дан и каждый элемент в [отдель<ности>]частности; однако он должен быть дан там, чтобы 1. приходящий ко Христу элемент был свободен в своём приходе и 2. чтобы приходя ко Христу, он не вносил никакой [новой] прибавки ко множественности - Софии, ничего такого, чего бы там уже не [заклучалось] содержалось; иначе Она не была бы *всею* множественностью. Раз так, то каждый элемент должен быть дан уже ранее во Христе, в Единстве, как *тип*, как идея «идеальная личность» (индивидуум, атом - Г.Я.). Тогда, будучи реально и эмпирически совершенно свободной, монада-элемент, приходит ли она или не приходит ко Христу, не меняет Его множественности в её идеальном содержании, не меняет Софии. Но чтобы это было так - София должна быть не множественностью чего угодно, а множественностью типов, объединяемых и, следовательно, внутренне, органически цельной системой типов, *организмом идеальных личностей*.

Следовательно, «уподобляясь» своей идее, воспринимая своё «*fiat*», монада, эмпирическ<ая> личность (в метафизическом смысле «личность») совпадает с соответственной частью Софии и тем приобщается сама Единству, а, стало быть и Великую Матерь вводит в Единство и Строй.

Богочеловеческий процесс заключается в восприятии... каждой монадой своего идеального («софийного») содержания - в [постоянном] приобщении [тем] Великой Матери к Софии и тем в объединении Христом и в воплощении». (10).

Теперь мы можем понять: не из сентиментальных побуждений Богородица, явившись Серафиму Саровскому, сказала сопровождавшим Её Лицам, указав на Преподобного: «Этот - нашего рода!»

Теперь мы можем понять и загадочные слова Христа: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трёх: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки своей и невестка против свекрови своей». (Лк. 12. 49-53).

Своим пришествием тогда в Палестине Христос положил начало Преображения человека в Богочеловека. Преображения человеческого рода, а не только избранных. Тем самым и положил начало разделения рода людского на два человечества, на два рода: на тех, кто сможет пойти этим путём и на тех, кто настолько оторван от духа, от своей монады, что не сможет.

Положил начало разделения людей на зёрна и плевелы.

Сегодня, мы как видно, подходим к кульминации этого процесса. Вот как о нем пишет Флоренский в статье "Понятие церкви в Священном Писании", следуя традиционному для Православия толкованию Апокалипсиса. В главе 14, как и в последующей 15 главе, изображено богослужение 144 000 "девственников", "которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошёл" (Откр. 12:4) "Это верные Христу. И, как противоположность этой Церкви избранных, в главе 17-й изображена Великая Блудница, над которой (гл. 18-я) происходит суд. Блудница эта не есть то или другое государство, та или другая поместная Церковь, это совокупность всех плевел Церкви, тогда как 144000 девственников, далее являющиеся как Невеста Агнца или Иерусалим Горний - совокупность пшеницы. Ранее же описанная Жена есть нива, на которой до поры до времени растут неразличимые между собою пшеница и плевелы (Мф. 13:24-30; ср. Мф. 13:47-50). Таким образом, при последних событиях мировой истории Церковь дифференцируется на Блудницу - Церковь падших и на Град Божий, описанный в гл. 21-й. Это - "Жена, Невеста Агнца" (Откр. 21:9), куда уже не войдёт ничто нечистое. Тут Невеста предстаёт во всей своей небесной и лучезарной красоте". (11) Это - душа России, вокруг которой и выкристаллизуется т.н. "Святая Русь". Она сформируется под Новым Небом на Новой Земле.

Закрывая эту тему, заметим лишь, что в данном учении о роде Флоренский говорит не о христианине, а о всяком вообще человеке. Христос и София, эти два наиважнейшие в учении о роде начала, в иных религиях и мифологиях носят свои имена.

2.

На этом месте в состав данной статьи очень просится подливка эссенции знаменитой статьи Вл. Соловьёва 1877 года «Три Силы» (13). Напомню, что речь там идёт о трёх коренных силах, управляющих человеческим развитием.

«Первая стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех степенях его жизни одному верховному началу, в его исключительном единстве стремится смешать и слить всё многообразие частных форм, подавить самостоятельность лица, свободу личной жизни. Один господин и мёртвая масса рабов - вот последнее осуществление этой силы. Если бы она получила исключительное преобладание, то человечество окаменело бы в мёртвом однообразии и неподвижности. Но вместе с этой силой действует и другая, прямо противоположная; она стремится разбить твердыню мертвого единства, дать везде свободу частным формам жизни, свободу лицу и его деятельности; под её влиянием отдельные элементы человечества становятся исходными точками жизни, действуют исключительно из себя и для себя, общее теряет значение реально существующего бытия, превращается в что-то отвлеченное, пустое, в формальный закон, а наконец и совсем лишается всякого смысла. Всеобщий эгоизм и анархия, множественность отдельных единиц без всякой внутренней связи - вот крайнее выражение этой силы. Если бы она получила исключительное преобладание, то человечество распалось бы на свои составные стихии, жизненная связь порвалась бы и история кончилась бы войной всех

против всех, самоистреблением человечества. Обе эти силы имеют отрицательный, исключительный характер: первая исключает свободную множественность частных форм и личных элементов, свободное движение, прогресс, - вторая столь же отрицательно относится к единству, к общему верховному началу жизни, разрывает солидарность целого. Если бы только эти две силы управляли историей человечества, то в ней не было бы ничего, кроме вражды и борьбы, не было бы никакого положительного содержания; в результате история была бы только механическим движением, определяемым двумя противоположными силами и идущим по их диагонали. Внутренней целостности и жизни нет у обеих этих сил, а следовательно, не могут они её дать и человечеству. Но человечество не есть мёртвое тело и история не есть механическое движение, а потому необходимо присутствие третьей силы, которая даёт положительное содержание первым двум, освобождает их от их исключительности, примиряет единство высшего начала с свободной множественностью частных форм и элементов, созидает таким образом целостность общечеловеческого организма и даёт ему внутреннюю тихую жизнь. И действительно, мы находим в истории всегда совместное действие трёх этих сил, и различие между теми и другими историческими эпохами и культурами заключается только в преобладании той или другой силы, *стремящейся* к своему осуществлению, хотя *полное* осуществление для этих двух первых сил, именно вследствие их исключительности, - физически невозможно.

Оставляя в стороне древние времена и ограничиваясь современным человечеством, мы видим совместное существование трёх исторических миров, трёх культур, резко между собою различающихся, - я разумею мусульманский Восток, Западную цивилизацию и мир Славянский». (13.28-29)

По Соловьёву, мусульманский Восток находится под преобладающим влиянием первой силы, той, что Флоренский называл дионисийской, родовой; Западная цивилизация - под властью второй силы, то, что называется «плюрализмом», то, что Флоренский называет аполлинийским, рациональным, действующим по принципу эгоцентрического самоопределения личности «во имя своё», вплоть до отделения не только от своего рода, но и от Рода Человеческого. Славянство, и в особенности Россия, по Соловьёву, может стать проводником третьей всецелой силы.

Как мы видим, эта статья не только не устарела до сих пор, именно сейчас она стала злободневной. Единственно, хотелось бы сделать ряд замечаний. С характеристикой западного плюрализма спорить нечего. Но с 1877 года, востоковедение сделало большой шаг вперёд и сегодня мы не можем утверждать, что преобладание подавляющей личности силы на Юге связано именно и исключительно с исламом. Ислам по сокровенной своей сути является светлым учением, зовущим людей к Свету. А преобладание дионисизма в некоторых регионах Юга связано с господством там родовых, патриархальных, патерналистских отношений. То же ведь мы наблюдаем и в России. Скинхеды, «русские фашисты», «православные «ваххабиты» (термин крайне правого фундаменталиста дьякона Кураева «Известия» от 14.01.2003), и прочие проявления «корпоративного консерватизма», к которым качнулся маятник общественной жизни, отшатнувшееся от «западного плюрализма», всё это следствия того же непросветлённого дионисийского, родового, патриархального, патерналистского начала, господствующего в России, как и тысячу лет назад.

Но в то же время именно в России мы сегодня наблюдаем и появление фокусов той третьей силы, которая не от мира сего, о победе которой в России пророчил Вл. Соловьёв и не он один.

«Мистики Востока и Запада согласны в том, что именно в настоящее время славянству, и в частности России, передан некий светоч; вознесёт ли его наш народ или выронит, - вопрос мировых судеб. Горе, если выронит, не для него одного, но и для всех; благо для всего мира, если вознесёт. Мы переживаем за человечество и человечество переживает в нас великий кризис... Поистине «всякий за всех и за всё виноват»; и наша хотящая и не могущая освободиться страна подвизается и изнемогает за всех», - писал Вяч Иванов в 1909 году. (15)

Эта сила исходит из иных миров, миров горних, она определяет призвание России. Вл. Соловьёв характеризовал это призвание как «религиозное, в высшем смысле этого слова». Сегодня мы пришли к пониманию, что эта сила связана не с религиозным типом сознания, а с иным. Сегодня некоторые представители науки говорят, что на земле, в России, с конца XIX века начал формироваться новый, четвёртый тип сознания или мышления, космический (16). Предыдущие три: мифологический, религиозный и научный. Космический тип сознания характеризуется прежде всего постижением незримого, сложного «внутреннего мира» человека-Макрокосма, в неразрывной связи его с «внутренним миром Космоса».

Одним из первых представителей этого типа сознания был сам Вл. Соловьёв, к ним же мы относим и Флоренского...

3.

Таковы эти три важнейших темы Флоренского, сводящиеся, как это нетрудно заметить, к одной из них, - к проблеме Символа. Флоренский писал, что он в жизни ничем другим, кроме как проблемой Символа и не занимался. В своей жизни каждый человек только и делает, что оперирует символикой, символами. Символика общеобязательна, она общественно и исторически устойчива, она даётся нам самой природой, в таинственных глубинах которой её усматривают и сообщают нам мыслители: наши гении, поэты, художники, учёные, подвижники...

В XIX веке в ноосфере начался природный процесс уничтожающий символику, которой жил западный человек. («Огонь пришел низвести Я на землю...»)(Лк.12:49) «Огонь поядующий» уничтожает её в мире горнем, в ноосфере, на земле главными фокусами сил, уничтожающих отжившее стали К.Маркс, Ф. Ницше и З. Фрейд. Они прекрасно знали - чего не должно быть - в этом их положительная роль, их добро; они не знали, что быть должно; не могли знать, - ведь они не знали миров иных, горних; они пытались заменить отжившее нежизнеспособными измышлениями земного ума - в этом их зло.

Когда россиянин, из марксиста вдруг превратившийся в неофрейдиста усвоит, наконец, русскую идею, (ярчайшим носителем которой является Флоренский, сквозящую в его учении о Символе), тогда и кончится разруха в общественном сознании, наладится связь человека с Небом и начнётся выздоровление общества. Будем надеяться, что великие потрясения нашей жизни, вызванные «реформами», послужат могущественным толчком для пробуждения положительного сознания нашего народа.

Для этого придётся преодолеть страшную силу. Ведь за последние сто лет в развитие фрейдизма, в т.ч. в развитие учения о Знаке вложены сотни миллионов долларов, на его идейной основе работают тысячи научных центров, на нём созданы сотни тысяч научных репутаций и имён в науке, в его духе написаны миллионы книг, научных работ и популярных статей. Борьба будет очень тяжелой, но мы имеем залог победы.

Ведь что главное в фигуре Флоренского? Основой его метода, позволившего ему сделать так много в столь разных науках является то, что он обладал так называемым шестым чувством, как и другие люди, например Платон. О рождении органа этого синтетического чувства у современного человека говорит в своем известном стихотворении Гумилев. Вот и Флоренский считал это нормальным свойством, которое будет широко распространяться «в массах» в скором будущем, таков природный процесс. Сам он явился одним из первых представителей того типа человека, о котором говорил Вл. Соловьев в своей теории о теургии и о богочеловеке.

Пережив летом 1899 года первое преображение своего сознания, и ощутив себя носителем нового мировоззрения, он сначала встревожился, - «меня тревожила мысль, не погибнет ли со мною зародыш истинной натуральной философии...но с тех пор я научился благодушию, когда твердо узнал, что жизнь и каждого из нас, и народов, и человечества ведется Благою Волею, так что не следует беспокоиться ни о чем, помимо задач сегодняшнего дня. Ну, и сама история убеждает вдобавок, что мировоззрение уже вступило на новый путь и что потому «моему» принадлежит победа, которая будет достигнута и без меня, так что мое личное участие в этом деле есть обстоятельство третьестепенное». Это вышел из глубин самоощущения и воцарился в его сознании опыт его внутренней жизни, жизни в иных мирах:

«Опыт, бесспорно подлинный и о подлинном, был сам по себе, а научная мысль, которой в каком-то душевном слое я просто не верил, - сама по себе. Это была характерная болезнь всей новой мысли, всего Возрождения; теперь, задним числом я могу определить её как разобщение человечности и научности. Бесчеловечная научная мысль - с одной стороны, бессмысленная человечность - с другой. Пляшущая с торжеством смерти- победительницы на костях уничтоженного ею человека научная отвлечённость и забитый, прячущийся по углам человеческий дух. Всё новое время страдало именно этою раздвоенностью, сначала в надежде совсем изничтожить дух, а потом, когда выяснилась несостоятельность этих надежд, в тоске и унынии: Амизель.

Во мне эти две стихии столкнулись с особой силою, потому, что возрожденческая научность была не внешним придатком и оперением, а второю натурою, и её истинный смысл я понимал не потому, что научился от кого-то, а знал непосредственно, как свои собственные желания. Но этому пониманию противостоял не менее сильный опыт, возрожденские замыслы в **корне** их отрицающий. Вот почему именно во мне, когда возрожденство было форсированно и доведено до последнего напряжения, произошел и взрыв всех этих замыслов. Я был возвращён и рос как вполне человек нового времени; и потому ощутил себя пределом и концом нового времени; последним (конечно не хронологически) человеком нового времени и потому первым - наступающего средневековья.

Говоря это, я достаточно отдаю себе отчёт в самоуверенности этих слов. Но такое впечатление, вероятно, почти неизбежное, было бы вполне неправильно: здесь идёт речь никак не о размерах, каковые вовсе мне не кажутся значительны, а о типе духовной

жизни, о строении личности, которое в данном случае ново - по качеству, и эта историческая новизна может вполне совмещаться с малыми размерами личности, её способности и дел, так что данных повышенной самооценки в этой новизне нет ещё никаких. Попросту говоря, миропонимание, которое получилось из упоминаемого взрыва, через десять, двадцать, тридцать лет станет само собою разумеющимся, и к нему будут приходить вовсе не в какой-то зависимости от **моих** размышлений, а сами собою, совершенно так же, как недавно ещё своим умом доходили, что «Бога нет», что «про неправду всё написано, и вообще». (7)

Флоренский явился одним из первых представителей нового, космического мировоззрения, которое заявило о себе в начале прошлого века в России и сегодня оно всё шире распространяется именно в нашей стране.

Доктор биологических наук, директор Экологического центра института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова академик и член Президиума РАЕН Назаров А.Н. пишет: «Нужно выделить для исследования особенную, трудно определимую категорию современных детей младшего возраста (4-6 лет) и подростков (11-14 лет), которых называют «дети-индиго» или «фиалковые дети», - по цвету якобы видимой некоторыми экстрасенсами ауры вокруг их головы. Можно и нужно отбросить все ненаучные измышления, вызванные спекулятивным желанием громких сенсаций. Но, отбрасывая лженаучные сенсации, нельзя вместе с тем выплеснуть с водой и ребёнка. Речь, напомним, идёт о формировании «расы» особо одарённых детей, якобы приобретающих знания, которые не могли бы быть им известны, тем более в их детском возрасте. Можно встретить убийственную критику самой идеи «детей-индиго», объявляющую их законченными эгоистами, неврастениками, чрезмерно избалованными и т.п. Наверно, доля правды, возможно и немалая в этой критике есть. (...) Можно называть их как угодно: индиго, фиолетовыми, лазоревыми детьми, но уже сегодня их общий уровень интеллекта выше, а завтра они будут осваивать и создавать ноосферную реальность на базе целостных ноосферных знаний и новых систем ноосферного образования. Ноосферной парадигме не противоречит и формирование особой экологической расы (не вида!) людей, выросших в условиях насыщений биосферы и окружающей человека среды продуктами ноосферогенеза, их быстрой смены и отчуждения от естественных условий жизни. Может быть, появление слоя более развитых детей с их общим рефреном: «Оставьте меня в покое!», с ранней самостоятельностью суждений, со склонностью к суициду, когда старшие пытаются сломать их и подчинить себе, легко ранимых, но чувствующих в себе уверенность сильного и правоту убеждённого, и служит сигналом выхода на арену Жизни новой генерации людей земной и будущей космической ноосферной реальности?» (8)

Флоренский явился одним из первых таких детей. Он пришёл в этот мир с полным багажом основных знаний. По его словам, ему не пришлось в этой жизни ничего из основ «узнавать», оставалось «припомнить». Флоренский был наделен некой первозданностью гениальной личности: «Воистину я ничего нового не узнал, а лишь «припомнил» - да, припомнил ту основу своей личности, которая... была исходным зерном всех духовных произрастаний, начиная с первых проблесков сознания». «Припоминание» есть термин мистерии и Платона: «Моё личное самочувствие с детства всегда было то, что учиться, то есть в области общих понятий, мне собственно, нечему, а надо лишь припомнить полузабытое или довести до сознания не вполне ясное». (7,384) От рождения он владел «абсолютно точными метафизическими формулами всех запредельностей». Так что «вся последующая жизнь мне не открыла ничего нового... Все... знание жизни было предобразованно в опыте самом раннем, и, когда сознание осветило этот опыт, - оно

нашло его уже вполне сформированным, почкой, полной жизни и ждущей лишь благоприятных условий распуститься». (7,270)

Прозвучит фантастично, но к появлению и приёму этих детей всё давно уже готово. Готово главное, - «Инструкция К Применению». Речь идёт об учении Живой Этики, связанном с семьёй Рерихов, которое было дано через эту семью как будто бы как раз для этих носителей нового космического сознания. Флоренский независимо от Рерихов в своих исследованиях пришёл к открытиям, которые говорят, что источник вдохновения Флоренского и Рерихов - один.

4.

С.Н.Булгаков писал, что Флоренский - единственный, это чудо человеческого ума и гения. Святой, сверхчеловек, с жадной беспредельной познавательностью. Он загадка из загадок, может быть, самый интересный и значительный из людей когда-то бывших. Он «один как Эльбрус с снеговой вершиной, никого не видит около себя, наравне с собой». (2.708).

«Если бы меня спросили, - пишет С.И. Фудель, - как в общем итоге определить значение Флоренского для людей, я бы сказал, что оно может быть сведено к властному направлению нашего сознания в реальность духовной жизни, в действительность общения с божественным миром». (2,99).

Флоренский является одним из вождей человечества, сама природа-Мать наделила его своей властью над нами.

Да, он не был овцой из стада. Сидение под чахлой костромской березкой (Флоренские из костромичей) в его душе совмещалось с бешеной скачкой на арабском скакуне по знойной пустыне (это от карфагенских предков). 26. 02. 1933 года он был сослан на Дальний Восток, Ему относительно повезло, на пересылке его узнал человек, который смог освободить его от общих работ. На станции Сковородино отец Павел занялся изучением вечной мерзлоты. Он был бесконвойный, занимался наукой. В 1934 году президент Масарик обратился к Сталину с просьбой - освободить Флоренского и дать ему возможность выехать в Чехословакию. Москва выдвинула одно условие - Флоренский должен написать прошение о помиловании. ГПУ доносило, что Флоренский не отказался от сана, не отрёкся от веры. В стенах научных советских учреждений, в которых ему приходилось служить после революции, он появлялся в рясе с крестом на груди. Кремлю было важно сломить Флоренского, заставить Гиганта Духа преклониться перед ним. А собирались ли на самом деле отпустить Флоренского за границу - дело другое. Чтобы повлиять на зека власти пошли на беспрецедентный шаг. В июле-августе 1934 года к нему разрешили приехать жене Анне Михайловне с тремя младшими детьми Ольгой, Марией и Михаилом. Но Флоренский отказался преклониться перед антихристовой властью, не стал писать прошения о помиловании. На глазах детей и жены, в день их отъезда, он был взят под стражу и 1 сентября 1934 года отправлен по этапу на Соловки. Заключение в этом лагере завершилось для него 8 декабря 1937 расстрелом.

Самозванные «владыки России» расстреляли его в гор. Ленинграде. Установленным местом захоронения их жертв в период 1937-1940 г.г. является т.н. «Левашовская

пустошь», находящаяся в пос. Левашово Выборгского района г. Санкт-Петербурга. Там захоронен Флоренский.

На его судьбе «проявляется лишь мировой закон о побивании камнями пророков и постройке им гробниц, когда пророки уже побиты». Флоренский «не первый и не последний: удел величия - страдание, - страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так - вполне ясно; это отставание по фазе: общество от величия и себя самого от собственного величия, неравный, несоответственный рост, а величие есть отличие от средних характеристик общества и собственной организации, поскольку она принадлежит обществу. Но мы не удовлетворяемся ответом на вопрос «почему?» и хотим ответ на вопрос «зачем?», «ради чего?» Ясно, свет устроен так, что *давать* миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома её. Внутренне сознаешь его непреложность, но при столкновении с действительностью, в каждом частном случае, бываешь поражен, как чем-то неожиданным и новым. И при этом знаешь, что не прав своим желанием отвергнуть этот закон и поставить на его место безмятежное чаяние человека, несущего дар человечеству, дар, которые не оплатить ни памятниками, ни хвалебными речами после смерти, ни почестями или деньгами при жизни. За свой же дар величию приходится, наоборот, расплачиваться своей же кровью. Общество же проявляет все старания, чтобы эти дары не были принесены. И ни один великий никогда не мог дать всего, на что способен - ему в этом благополучно мешали, все, все окружающие. А если не удастся помешать насилием и гонением, то вкрадываются лестью и подачками, стараясь развратить и совратить», - писал Флоренский домой с Соловков за 10 месяцев до расстрела. Писал о Пушкине, а мы распространили на него: «Кто из русских поэтов, сколько -нибудь значительных, был благополучен? Разве что Жуковский, да и то теперь открываются интриги против него, включительно до обвинения в возглавлении русской революции. Философы - в таком же положении (под философами разумею не тех, кто говорит о философях, но кто сам мыслит философски), т.е. гонимые окруженные помехами, с заткнутым ртом. Несколько веселее судьба учёных, однако лишь пока они посредственны. Ломоносов, Менделеев, Лобачевский не говорю о множестве новаторов мысли, которым общество не дало развернуться. (Яблочков, Кулибин, Перов и др.) - ни один из них не шёл гладкой дорогой, с поддержкой, а не с помехами, всем им мешали и, сколько хватало сил, задерживали их движение. процветали же всегда посредственности, похитители чужого, искатели великого, - процветали, ибо они передельвали и подделывали великое под вкусы и корыстные расчёты общества». (17, 663-665)

Иешуа сказал Пилату, что перерезать нить земной жизни может только Тот, Кто человека на этой нити подвесил. Ленинградские чекисты, расстрелявшие Флоренского, не имели власти над ним, а лишь служили орудием закона жертвы. В действительности же Флоренский сам стал владыкой своей судьбы, поэтому - то Царица Небесная и дала ему власть над нами. Этот дар законной власти даётся жертвой.

«Умереть для мира - это значит коренным образом уничтожить внутренний водоворот, силою которого все явления в мире мы соотносим с самим собою и разбираемся в них, отправляясь от этого центра перспективы, а не объективно, т.е. в отношении к истинному центру бытия, и не видим их в Боге. В своём восприятии мы всякий раз извращаем порядок мироздания и насилуем бытие, делая из себя искусственное средоточие мира и не считаясь с истиной соотнесённостью всех явлений к истинному средоточию: мало того, даже его, этот абсолютный устой мира, мы опираем на себя, как

спутник и служебное обстоятельство нашего Я. Назвать ли этот способ действия по-профессорски «синтетическим единством трансцендентальной апперцепции», или по-русски коренною греховностью нашего существа - суть дела от того не меняется.

Но чтобы этого не было, надо видеть Бога: тогда лишь можно будет видеть в Нём и всё бытие, а в том числе - и самого себя, и тогда лишь наше созерцание мира может быть объективно. Но «никто не может видеть Бога и не умереть» (Исх. 33:20) Чтобы увидеть Его - необходимо вырваться из своей самости, ибо до тех пор мы будем видеть лишь искаженные образы, соотносимые с этой самостью, и, следовательно, в самом Боге мы не сумеем увидеть Бога, а будем видеть лишь различные идола своих пристрастий. Увидеть Бога - это значит перенести своё Я из ветхого Адама, из организма своей самости в абсолютную истину. Однако этот перенос не должен разумеется отвлечённо и смягчённо благополучно. Это ничуть не интеллектуальная интуиция и тому подобные умственные акты и психологические состояния, ни к чему не обязывающие и не требующие жертвы, - не частично жертвовать чем-нибудь из своего, а полной жертвы всем самим, и при том в самых глубоких его корнях, - кровавой жертвы самостью. Об этом жертвоприношении себя, конечно, нетрудно писать и говорить, как вообще нетрудно писать и говорить о чужой смерти. Но на самом деле, жизненно, оно есть смерть, и при том не поверхностная, физиологическая смерть, нередко мало сознаваемая, а до конца сознательная гибель всей самости, испепеляемой в самих своих основах. Вся она напрягает тогда силу, сотрясаемая ужасом и тоскою, несравненно более леденящими, чем те, которые мы называем смертными. Нередко человек кончает с собою, ужасаясь предстоящим позором или потерпев неудачу в том или другом страстном влечении, которое он к тому же не одобряет, рассуждая отвлечённо. Это значит, самооберегание самости так велико, что оно преодолевает даже леденящий ужас физического инстинкта жизни. Так - когда самость задета периферически, в одном из своих проявлений. Что же должны думать мы о силе её отпора, когда ставится вопрос уже не о том или другом из её проявлений, а о ней самой, в самом её средоточии? Конечно, для неё это несравненно более жгучая борьба, чем только за физическую жизнь, и победа над нею есть смерть более глубокая, чем только физическая смерть. Когда апостол Павел говорит, что он умер для мира, это не только метафора в смысле необходимого ослабления силы его слов, а напротив - нечто обратное гиперболе, ибо энергия его слов должна быть неизмеримо повышена: эти слова надо бы кричать, а не говорить, чтобы они достаточно задели сознание. Умереть для мира - означает великую тайну... Да, можно оставаться среди людей и делать вместе с ними дела жизни, но быть мёртвым для мира и руководить деятельностью своего тела, находясь уже не в нём, а со стороны, из горнего мира», - писал Флоренский 13.08.1923 года.(18)

А 10.04.1923 года в непредназначенных для печати записках «Детям моим» он пишет: «Про себя я, по крайней мере, могу сказать, что вся последующая жизнь мне не открыла ничего нового, кроме одного, - о чём будет сказано ниже, - но и то - открыла не познанию, а открыла смерти, после которой я уже стал не я». (7, 270) Читающий понимает. Как и Апостол Павел, Павел Флоренский стал «дваждырождённым», родился свыше (Ин. 3:3-7). Формула «я уже стал не я» говорит об одной из высших стадий преображения подвижника, когда умирает низшее «я» земная личность и его сознание сливается с его высшим «Я»: индивидуальностью, - монадой, ипостасью, духом и он руководит «деятельностью своего тела, находясь уже не в нём, а со стороны, из горнего мира».

Власть соловецкая! На кого же ты подняла свою руку!

«Аминь, аминь глаголю вам: аще кто слово Моё соблюдёт, смерти не имать видети во веки». (Ин. 8:51).

Один современный исследователь запись от 10.04.23 года о переживании Флоренским смерти самости при жизни (euthanasia) соотносит с известным нам из «Столпа...» (письмо восьмое «Геенна»), а так же из «Детям моим» случаем, когда Флоренскому был явлен символ абсолютного небытия. Именно это происшествие, как он думает, Флоренским названо «смертью, после которой я уже стал не я», т.е. преображением, или «вторым рождением», «рождением свыше». Это толкование имеет серьёзные основания, прежде всего представленные самим Флоренским в этом письме. Но нам трудно согласиться в данном случае даже и с «Флоренским 1914 года»(20). Смерть самости, сгорание двойника, «чёрного человека», вызывает не геенский жар, а Божественный Огонь: «никто не может видеть Бога и не умереть» (Исх. 33:20). Да и нельзя же обойти «необходимость человеческого подвига» для преображения. Тогда, в конце весны 1899 года, когда он был погружен в абсолютную тьму, Павел был пассивным объектом происходящего. При смерти же самости, при втором рождении свыше, описанном им 13.08.1923 года в статье «Рассуждение на случай кончины отца Алексея Мечева» (19), посвящаемый в эту мистерию адепт должен проявить исключительное самообладание, исключительную духовную активность своего высшего Я, в полном свете сознания убивающего дракона самости, гнездящегося, коренящегося в его собственном сердце. В этот момент «полного духовного освобождения» он является героем происходящего, в этот решающий момент, венчающий все его предыдущие подвиги, труды и усилия, он из объекта эволюции становится её субъектом, с человеческого пути бесповоротно переходит на путь богочеловеческий. Этот главный момент в жизни всякого разумного существа нашей вселенной издревле символизируется так: герой поражает копьём дракона, змия, Апопа (египт.), Апофиса (греч.). Гор, стоящий победителем на змие Зла является ранней формой известной группы - Св. Георгия, попирающего грех.

Эта величайшая мистерия древнего Египта проводилась в тайных помещениях специально для неё построенных циклопических сооружений. Флоренский же обошелся на этот раз без Великой Пирамиды. В 1918 году от Р.Х. (как мы считаем) он пережил второе своё преображение (посвящение) в средней полосе России, там, где над порталом Собора, построенного на Маковце, на горе в лесном урочище, имевшем древнее название «Белые Боги» (4) красуется дерзкая надпись ВЕДОМОМУ БОГУ.

И продолжил борьбу Христову за освобождение из плена самости, невежества, греха братьев своих меньших. «Преемственная нить этой борьбы никогда не обрывалась и, нужно верить, - не оборвётся; но эту нить всегда держало ничтожное меньшинство, точнее сказать - немногие единицы. И борьба против них всегда велась окружающим обществом двумя вовсе не сходными приёмами: внешний круг нападающих, численно весьма большой, - это и явные враги, и открытые ненавистники; внутренний круг, сравнительно малочисленный, - из почитающих себя друзьями и сотрудниками, из тех, кто готов и на жертвы, но втайне думает о неточностях провозглашаемого и о необходимости легкой ретуши, - которой, однако, уничтожается самая суть дела. Первые видят в провозглашающем духовную свободу разорителя субботы и утверждают ценность субботы, как будто он когда-либо говорил обратное. Вторые тоже исходят из ложного убеждения, будто это обратное, т.е. о субботе, было сказано, и принимают его, но добавляют сюда установку вместо субботы некоторого другого дня, с тою же самодовлеющей ценностью. Первые полагают, что вообще отменяется всякий устав жизни, а вторые - что взамен принятого проповедуется некоторый другой. Но и те и другие, и ново-уставники и старо-уставники, не улавливают, сами не зная в себе духовной жизни, что речь идёт вовсе не о сравнительном превосходстве того или другого устава и

не уничтожении устава как такового, а о должном месте устава в человеческом духе и о служебном его, а не господственном положении в жизни.

Во времена Христа были фарисеи и были саддукеи; первые верили в абсолютную ценность своего устава, тогда как вторые всякий устав почитали пустяком, хотя и поддерживали свой из политических видов. Эти два течения потом на протяжении истории многократно переименовывались, но суть дела оставалась всегда одною и той же, и во все времена существовали и существуют свои фарисеи и саддукеи. Духовное сознание неминуемо борется с обоими течениями сразу и лишь этой двойственной борьбою определяет себя внешнеисторически как своеобразную историческую силу. Но общество в основе слагается именно из этих двух течений, как ткань сплетается из основы и утка. (К.П. Победоносцев называл эти две стихии общественности консервативно-инертной и прогрессивной, почитая их равно необходимыми в строении общества). Представитель духовной свободы оказывается направленным по третьему измерению к плоскости общества, и обществу непонятен и даже невидим в своей собственной сущности, как четвёртая координатная ось для обитателей трёхмерного мира. иной, чем этот мир, и опирающийся на иную, чем известна в этом мире, силу, он чужд миру и неминуемо оценивается миром как некоторый урод или юрод. Явное или прикровенное, грубое или тонкое, юродство неизбежно сопутствует носителю духовной свободы. В мире ему по-настоящему нет места, и он лишь терпится, поскольку может быть использован миром в каких-нибудь своекорыстных целях, однако с постоянным памятованием, что его можно при случае окружить почётом, но что за ним требуется строгий присмотр.

Ясное дело, за таким, вглубь его четвёртого измерения свободы, из мира, т.е. из числа не знающих духовного творчества, пойдёт лишь то, что не крепко входит в ткань мира, что само изгоняется из мира, но уже не за непонятность миру, а за понятное нарушение требований и правил мира. Это - отверженные, **мытари** и **блудницы**, которым нечего терять в мире и которые, руководясь чутьём, готовы на риск, ибо уже убиты миром и тоже по-своему умерли или насильственно умерщвлены. Это - «**буйее** мира», которое избрал Бог, - избрал потому, что оно лишь было и есть способно прислушаться к странным и чуждым миру речам о неведомых и непонятных миру силах». (18. 610-611)

Закон жертвы, один даёт истинным властителям людей, властителям наших умов и сердец реальную, а не государственную власть над нами. Уж Флоренский-то знал, что так повелось с сотворения мира, с той предвечной жертвы Агнца, на которой основано мироздание. Сложное и богатое отдает себя, для того, чтобы простое и бедное питаясь его «плотью и кровью» росло, взрослело, училось, боролось, творило – жило. Постепенно уподобляясь Ему, Владыке.

Царю Небесному.

Приложение к статье «Павел! Павел!»

МИРОВОЙ ЗАКОН ПОБИТИЯ ПРОРОКОВ КАМНЯМИ.

*Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное;
Блаженны плачущие, ибо они утешатся;
Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю;
Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся;
Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут;
Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят;
Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими;
Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное;
Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.
Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.*

Мф. 5:3-12.

Всё, что делается, делается известными персонами, поэтому все исторические явления носят имена собственные, - мы говорим «закон Ома», «эпоха Ельцина». Сегодня мы поняли, почему у нас неладно с реформами, в чём беда России, - нет соответствующих персон. Не отсутствие денег, а недостаток творческих личностей, как лидеров, так и людей массы, которые подхватили бы и реализовали творческие импульсы и идеи своих вождей. Некоторые во всех бедах обвиняют Б.Н. Ельцина и других выразителей идеологии предпоследнего периода. Идеологии отказа от самих себя, от своей исторической миссии. Во всём следовать Западу. Развалить «империю зла», отдать Курилы - Японии, Восточную Пруссию - Германии, Кавказ - Турции. Принять западную политическую модель, западную культуру и идеологию. Удовлетворённый эдакой покорностью, Запад кротко примет нас, извергов, в своё лоно. С Запада, из Японии, из Саудовской Аравии потекут инвестиции. Тогда заработает наша экономика и мы заживём как в Новой Зеландии белые люди живут.

Развалили мы СССР, приватизировали и поделили всенародную собственность. Коррупция, бандитизм, спекуляция, проституция, наркомания, сепаратизм, терроризм - расцвели пышным цветом. Пришёл ли расцвет страны?

Помните, мы собрались повернуть северные реки, чтобы наполнить их водой будто бы мелеющий Каспий? В 1987 от поворота рек мы отвлеклись поворачиванием истории. А уровень воды в Каспии сам вдруг начал повышаться - и без нас. Так и здесь. Деньги сами вдруг пошли в страну, без зарубежных инвесторов. Нефтедолларов в казне немеренно. Нету умных людей кто бы знал: что с ними делать, чтобы страна поднялась. Всё-таки не в деньгах счастье, не капитал, не экономические отношения являются движущей силой истории. Не деньги выводят такие великие страны как наша из великих кризисов. Выводят вожди, чья энергия, чей магнетизм, находя отклик в народе, поднимает его и ставит на путь истинный. Или, не находя, - не поднимает и не ставит.

Что делать? Опять мы упёрлись в этот вопрос. А ответить не него некому. Нет людей пророческого склада, которые могли бы прогнозировать будущее и на основе этих прогнозов руководить нами в настоящем. Ну а если бы такие люди в России были в середине 80-х, тогда что, пошли бы мы за ними?

Вспомним: что мы, люди, всегда делаем с выдающимися своими современниками?

Пифагор зарезан. Сократ отравлен. Архимед зарублен. Иоанн Предтеча обезглавлен. Христос распят. Ап. Павел распят. Джордано Бруно сожжён заживо. Парацельс зарезан. Жанна д'Арк сожжена заживо. Т. Мор обезглавлен. Протопоп Аввакум сожжен заживо. Пушкин застрелен. Лермонтов застрелен. Грибоедов растерзан толпой религиозных фанатиков. Гумилёв расстрелян. Флоренский расстрелян. Н.И. Вавилов погиб в тюрьме. Мандельштам погиб в лагере. Мейерхольд расстрелян. Леннон застрелен. До самоубийства доведены: Сенека, Радищев, Д. Лондон, Есенин, Маяковский, Цветаева, Акутагава... Сведены с ума: Перикл, Гоголь, Ван Гог, Чурленис, Врубель, Филонов... Изгонялись согражданами: Платон, Анаксагор, Конфуций, Бунин, Мережковский, Бердяев, С.Н. Булгаков, Рахманинов, Сикорский, Стравинский, Тарковский... Затравлены коллегами, начальством, роднёй: Галилей, Вл. Соловьёв, Толстой, Блок, Белый, М.А. Булгаков, Циолковский, Чижевский, Платонов, Ахматова, Зощенко, Пастернак, Высоцкий... Сидели по сфабрикованным обвинениям: Ориген, Сервантес, М.М. Сперанский, Достоевский, Рокоссовский, Королёв, Туполев, Заболоцкий, Л.Н. Гумилёв... Доведены до нищеты, алкоголизма: Рембрант ван Рейн, Гофман Эрнст Теодор Амадей, Саврасов, Мусоргский...

Это имена, что сразу приходят на ум. А если взять Британскую энциклопедию и пройти имя за именем, проследить судьбу за судьбой? Это сотни лучших людей уничтоженных нами, простыми людьми.

Очевидно: действует мировой закон побития пророков камнями. Братья Стругацкие (их отец Н.З. Стругацкий был одним из гонителей Филонова) писали, что это действие второго закона термодинамики: энтропия, хаос сопротивляется действию зиждительного начала, Разума, вносящего в мир порядок. До них об этом писал Флоренский в автореферате: "Основным законом мироздания Ф[лоренский] считает второй принцип термодинамики - закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос - начало эктропии. Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции как задержке уравнивающего процесса вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условия жизни, в противоположность равенству - смерти". (П.А.Ф. Сочинения. ФН, М., 94, стр. 39). Хаос стремится унижить, обезличить, задавить всякую индивидуальность.

Изучая жизнь и творчество Флоренского, в свете мирового закона побития пророков камнями, можно выявить девять причин, по которым все народы делают это.

1. Первая, главная причина, синтез всех девяти заключается в действии закона жертвы. Мы знаем об Агнце Божьем (у нас Его зовут Христом, а в Индии Вишвакарманом...), о предвечной жертве, положенной в основание мироздания, для того, чтобы возможным стало бытие. Чтобы Космос мог существовать. Чтобы в этом Космосе могли жить, эволюционировать люди. Стремясь стать совершенными как Отец их Небесный. Спаситель в Его космическом аспекте изначально ни на миг не оставляет человека. «Присутствие, Великое Присутствие наполняет природу». Вся полнота жизни дарована нам этой жертвой, человеческая история является продолжающимся Боговоплощением, продолжающимся Самозакланием, обеспечивающим человечеству не только переход к Богочеловечеству, но и само бытие, существование. Бытие в своём несовершенстве, в свое изначальной надтреснутости, в своей двоичности требует жертвенной крови для склейки. Всё в жизни человеческой сводится ко Христу, потому что все изошло от Него. «... вне

Христа, без Христа, помимо Христа, не сообразно с Ним, без Его благодатной, т.е. бытийственно укрепляющей... помощи вообще невозможна никакая жизнь, никакое творчество, в сфере ли религиозной, художественной, философской, позитивно-научной, общественной, государственной, семейной, экономической, - вообще какой угодно, какая бы ни открылась еще, - не в том смысле, что плоха, нравственно предосудительна, канонически недолжна жизнь без Христа в какой бы то ни было области, а в том, повторяю, метафизическом смысле, что таковая просто невозможна, что она, поскольку она действительно вне Христа, действительно метафизически несовершенна, бытийственно неполна, а если была бы совсем вне Христа, то просто не была бы. (...)

Христос есть истина, путь и жизнь; это не только догмат вероисповедания, но прежде всего закон мироздания. А если так, то ... во-первых... рассыпаются все притязания на автономию в какой бы то ни было сфере жизни и даже природы – без Христа не может быть не только государственности и т.п. но даже химии и геологии; а во-вторых, с такою же стремительностью опровергается всякое искушение, хотя бы и во имя Христово, на духовное насилие, ибо всякая свобода, как духовное самоопределение, от Христа и во Христе, Христос действует не только и не столько, даже совсем не периферически, через внешние заповеди, как то полагают в неразумной поспешности ревнители благочестия, а Своими благодатно бытийственными, так сказать, органическими путями, разумение которых доступно не богословскому схематизму ревнующих о вере, а духовно просветленному, благодатному взору, и посему иной противник Христа может быть в бытии своем гораздо ближе к Нему, нежели рьяный, но не духовный ревнитель Церкви», - пишет Флоренский. (Арх. Бухарев: pro et contra. СПб, 97, стр. 593)

От Христа же - Иерархия Светлых Сил, Иерархия Его учеников, наших Учителей. Культурные герои, подвижники, вожди, законодатели, мыслители, поэты, художники, композиторы, учёные... Они работают с нами по Его плану, они делают Его работу, соответственно, они разделяют с Ним Его судьбу. Их жизнь и деятельность, являясь боговоплощением, в разной степени и в форме, применительно к их миссии, в ту же меру становится и самозакланием. Является самопожертвованием, инволюцией. Им не нужно быть среди людей, им самим, для их персонального совершенствования эта работа уже не нужна. Она нужна людям, она нужна Логосу, Христу - это часть Его работы по воспитанию человека. Они берут на себя, и они делают свою часть Его работы, разделяя тем Его судьбу и таким образом приближаясь к Нему, ещё полнее раскрывая в себе Его сущность, сущность Отца Небесного. В меру принятой ими на себя эволюционной работы, Логос наделяет их соответствующими Своими полномочиями, мерой Своей власти. Сложное и богатое отдает себя, для того, чтобы простое и бедное питаясь его «плотью и кровью» росло, взросло, училось, боролось, творило – жило. Постепенно уподобляясь Ему. Другого способа управлять людьми, - реально, положительно, законно властвовать над ними,- кроме как прикармливать их своей плотью и поить их своей кровью (*воспитывать,- питать*) нет. Законно властвовать над людьми - означает править по космическому закону, а не по человеческому. И это закон любви, закон самопожертвования. Всякое предприятие, начинание требует жертвы в своё основание. Чтобы далеко не ходить вспомним хотя бы судьбы создателей «катушки», или Т- 34.

2.Флоренский писал: самое нужное человеку (Слово Божие - Священные Писания всех времён и народов), является и самым доступным для него. Все великие духовные ценности, культурные ценности, потребные человеку для восхождения, даются ему даром – подходи и бери. «И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром». (Откр.22,17) Даром для берущего, но не даром для дающего. Ведь за все в этом мире надо платить. За берущего платит дающий, за ученика платит Учитель. Учитель платит за ученика. Его

ученик, сам в своё время став Учителем, будет платить своей плотью и кровью за своих учеников. Этой цепью самопожертвования крепится связь пространств и времён.

3. Плескаясь в море зла, люди всё время умножают его объём своими преступлениями против Истины. Если бы количество яда человеческого не уменьшалось, не только эволюция человеческая на земле остановилась бы, но и сама жизнь на планете давно уже стало бы невозможной. Человечество давно уже захлебнулось бы в своём яде и погибло бы. Но как возможно уменьшать количество яда? Как можно держать его в известных пределах, не давая сгущению его превышать критическую концентрацию? Разумное существо - человек этот яд генерирует, по закону разумное существо - Человек же этот яд должен и поглотить, испить, принять и тем самым уничтожить. Сам Логос и Его ученики испивают яд человеческий. Сознательно принимая чашу подвига, чашу с ядом, произведенным людьми, эти Сыны и Дочери Человеческие уменьшают количество этого яда, давая людям возможность и далее жить на этой планете и далее отравлять её своей злобой. Принятием человеческого яда совершается Искупление человечества.

4. Ещё одной причиной, по которой жизнь великих людей на земле столь ужасна является невольная вина всякого учителя, открывающего людям истины, которые не могут быть в одинаковой мере вместилими всеми. Всегда находятся «разумные существа», которым Божественные Истины, открываемые человечеству - недоступны. Не вмещающая их, она извращает их, вместо блага, творит зло. Таким образом благодать претворяя в яд. За подобное злостолкование, за пагубные последствия извращения провозглашенной части истины кто-то должен заплатить. И опять платит тот, кто открыл эту часть истины людям. Он платит даже за то, что эта истина дошла до ушей того, кому она не предназначалась и ввела его в соблазн, тем принеся вред его совершенствованию, затруднив путь его. Эти затруднения, возникшие не по вине невежды, должны быть устранены с его пути. Это закон справедливости относит на счёт того, кто данную истину открыл невольно и неспособным пока к её вмещению людям. Он платит и по этому счёту. Знал - на что шел, неся людям Свет.

5. Невежество толпы. Неразвитое сознание, низкая энергетика основной массы людей, инерция её, влекущая к кристаллизации в отживших своём формах жизни. Равнодействующая всех человеческих устремлений направлена по нисходящей духовной линии, на внешнее, на утверждение в земном, на укрепление земного своего положения. Что ведёт к безостановочному вращению в колесе дурной бесконечности. В колесе безостановочно и неумолимо порождаемых причин и последствий дел, слов и мыслей, влекущих к дальнейшему огрублению, к дальнейшей инволюции, к распалению зла. Эта инволюция сделала основную массу безотчётным, ползучим врагом истины, врагом света, врагом самой себя, врагом человечества, - соответственно врагом Сынов и Дочерей Человеческих, всемерно старающихся освободить людей от этой вечной казни. «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят», - сказал Спаситель. «Святая простота!», - сказал, стоящий на костре Ян Гус, увидев старушку, несущую своё полено, - подложить к его костру.

6. Злобно преследуют Сыновей и Дочерей Света, те, кто в отличие от толпы ведают, что творят. Среди людей есть изверги рода человеческого, сознательно избравшие путь зла, ради зла как такового. «Гление их пища, убийство их ремесло, развращение тела и духа их радость». Эти тёмные силы объединены в своего рода корпорацию, их цель - окончательное закабаление человека в тенетах иллюзии, в путях зла. Подчинение и уничтожение людей.

7. Хаос непроявленного всё время существования вселенной соревнуется с бытием, угрожает проявленному, атакует, испытует его формы. Слепые силы неукротимой стихии бушуют во всех мирах стремясь разрушить всё сотворённое. Эти силы охватывают невоспитанных людей толпы, приходят в мир и через них. Воздействие хаотических сил на неразвитых людей и на людей духовно зрелых различно. Чтобы пояснить это различие Будда говорил о воздействии клочка шерсти упавшего на ладонь человека и попавшего в его же глаз. Люди толпы даже и не замечают, что эманации хаоса, излучаемые ими - попросту убивают.

8. Флоренский сравнивал жизнь человека с горением свечи в бурю. Не то удивительно, что свеча не гаснет под порывами ветра, а то удивительно, что она вообще загорелась. Мы видим, что великие люди, живя среди людей, всё-таки успешно делают своё дело. Им удаётся исполнить свою миссию, поручение, работу, порученную им Логосом. Судьба хранит их. Но почему, ведь всё, что делается на земле должно быть «сделано руками человеческими, ногами человеческими», ни для кого из воплощенных закон не делает поблажек. Дело, видимо вот в чём: убивая великого человека, люди нарушают основной закон эволюции закон укрощения Логосом хаоса, закон победы Света над тьмой, закон высшей справедливости. И вот, чтобы компенсировать это нарушение закона, карма в следующем воплощении великого человека среди людей воздаёт ему за эту жертву, даёт возможность исполнить его миссию, хранит его жизнь. Механизм, позволяющий великим работать среди людей таков: закон берёт у мученика жизнь авансом, чтобы впоследствии, в одном из последующих воплощений, дать ему возможность выжить в невыносимой обстановке, потрудиться, «отработать аванс».

9. Не будем забывать ещё об одной муке, которая сократила жизнь многим великим людям, а некоторых из них свела с ума. Воплощаясь среди людей, великие принимают тела, которые им может предоставить на данном этапе своей эволюции развращенное человечество. И эти физические тела тоже несут в себе следы всех человеческих грехов и пороков, всех человеческих преступлений перед природой в виде разных болезней, распространенных среди людей. А так же в виде последствий этих болезней, ведущих к физическому вырождению человечества, утрате и ослаблению способности физических тел служить орудием труда воплощающегося в них духа. О той невыносимой муке виртуоза, вынужденного всю жизнь играть на копейной, фальшивящей скрипке, не будем забывать. Как писал Флоренский на эту тему: «Удел величия - страдание, - страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так - вполне ясно; это отставание по фазе: общество от величия и себя самого от собственного величия, неравный, несоответственный рост, а величие есть отличие от средних характеристик общества и собственной организации, поскольку она принадлежит обществу».

Вернёмся к тому, с чего начали. По щучьему веленью, по народному хотенью, именно Б.Н. Ельцин, возглавил страну в 1991 году. Но разве он один может отвечать за тот всеобъемлющий кризис, в котором мы оказались? Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. «Все советские люди» в середине 80-х хотели жить «как на Западе». Сейчас. Любой ценой. Именно это всеобщее стремление привело к замене осмотрительного М.С. Горбачёва бесшабашным Б.Н. Ельциным. Не он вызвал взрыв, он «возглавил» его. В этом его заслуга. Сделав разрушение управляемым, он создал предпосылки для обуздания разрушительных элементов в момент, когда возбудившая их энергия стала затухать.

В начале XX века гениальный русский ученый А.Л. Чижевский (1897-1964) установил, что исторический процесс на земле связан с деятельностью Солнца. 11 летние циклы активности нашего светила сопровождаются 11 летними циклами серьезных изменений человеческой истории. При чём, как и циклы активности Солнца, так и циклы исторического процесса на земле делятся на 4 периода разной активности в последовательности: I период минимума -3 года, II период увеличения активности - 2 года, III период максимума -3 года, VI период деградации -3 года. Чижевский же и установил историко-психологические особенности 11-летних циклов. Их оказалось две и они повторялись из цикла в цикл.

Первая. «... В средних точках деления цикла массовая деятельность человечества на всей поверхности земли, при наличии в человеческих сообществах экономических, политических или военных возбуждающих факторов, достигает максимального напряжения, выражающегося в психомоторных пандемиях: революциях, восстаниях, войнах, походах, переселениях, создающих новые формации в жизни отдельных государств и новые исторические эпохи в жизни человечества и сопровождающихся интеграцией масс, выявлением их активности и правлением большинства».

И вторая. «В крайних точках течения цикла напряжение общественной деятельности военного или политического характера понижается до минимального предела, уступая место созидательной деятельности и сопровождаясь всеобщим упадком политического или военного энтузиазма, миром и успокоенною творческою работою в области организации государственных устоев, международных отношений, науки и искусства при дезинтеграции и депрессии масс и усилении абсолютистских тенденций власти». (Цит. по Л.В. Шапошниковой. Вселенная Мастера. М.,2005, стр.582.)

Получается, что Солнце превращает потенциальную энергию масс в кинетическую. «История знает отличные примеры массовых возбуждений в период максимума, не имеющих ничего общего с кровавыми событиями, а именно: религиозные движения, паломничества, расцвет парламентаризма, локализация общественного внимания на судебных процессах, реформах, сооружениях и т.д. Это даёт повод лелеять прекрасную надежду на то, что грядущая культура отыщет пути гуманного использования массового подъёма при посредстве предварительной пропаганды какого-либо общественно-важного и интересного дела и выполнения его в период максимальной возбудимости. Тогда коллективное театральное искусство, коллективное художественное творчество с участием масс народа, научные экспедиции, спортивные состязания, организации грандиозных сооружений, городов, каналов и пр. должны будут сменить кровавые бойни человечества», - писал Чижевский.

Очень многое при этом зависит от состояния человечества и человека во II периоде исторического процесса. Материя II периода получала в III периоде максимальную энергию взрывов на Солнце, и эта энергия начинала действовать. Она «оживляла» то, что было уже заложено и что существовало в умах народа во II периоде. Много зависело от уровня сознания, которое формировалось во втором периоде, и от тех идей, которые будут, вне зависимости какие они, реализованы в III периоде. От этого будут зависеть и форма и содержание событий, вспыхивающих под излучениями взрывов солнечной материи. Если во II периоде господствующей идеей была революция или война, то мы их, несомненно, получим в III периоде максимальной активности Солнца. Если во II периоде, когда закладывалось будущее III периода, было процветание, действовали созидательные силы, народ был просвещён, а сознание расширенным, то энергия солнечных взрывов и земных бурь придаст всем этим тенденциям энергию действия, и III период выявит и

успешно завершит то, что было в потенциале II периода. Иными словами, Солнце даёт энергию, а человек придаёт событиям ту форму и то содержание, которое сложилось во II периоде развития 11 летнего цикла. (Там же. Стр.585-586)

Из вышесказанного можно сделать некоторые выводы относительно диалектики взаимоотношений индивидуума и массы. По словам Флоренского, эта проблема - «вершина основного вопроса философии, и надо ничего не понимать в философии, чтобы не видеть этой проблемы». Флоренский пишет, что в XX веке на земле началась новая эпоха, эпоха откровения духовных, универсальных, космических основ жизни во всех сферах бытия человеческого. Именно в эту эпоху мы сможем найти решения всех «проклятых» вопросов. Люди пророческого типа: культурные герои, подвижники, вожди, законодатели, мыслители, поэты, художники, композиторы, учёные, - это провозвестники идеального совершенства, вечного Теперь, сущего в платоновском мире идей. Они представляют здесь у нас человеческое общество в его будущей всецелости, - Богочеловечество. Эти посланцы новой эпохи несут в себе разные черты будущих совершенных людей. Можно сказать, - это и есть люди будущего, те, какими мы станем, если будем следовать плану эволюции, Матери-природе. Уничтожая их, мы закрываем те окна и двери в высшие миры, в грядущее, которые в этих живых образах и подобию Божьих открывает нам Космос. Не надо думать, что мы можем заниматься этим бесконечно.

Ныне, когда маятник исторического ритма идёт в сторону «стабилизации» нам надо успеть «прийти в себя», «себя вспомнить». Народы нашей страны должны в этот краткий период обратить все свои помышления к своим основам, к корням своих культур. Умы людей должны проникнуться универсальными, вечными идеями, питающими эти корни. Для того чтобы следующая «инвестиция» солнечной энергии воодушевила нас не на разрушение, а на созидание. Когда мы будем настроены на творчество, обязательно придут и те, кто даст нам новые формы для всеобъемлющего жизненного строительства. Всё что можно и нельзя было - мы уже разрушили «до основания» и даже глубже. Ничего, Бог даст, на этом пепелище мы построим новое - небывалое. Площадка для строительства подготовлена.

Ссылки

1. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН. т.129. М., 99, стр. 70.
2. Флоренский: pro et contra. СПб, 2001, стр. 502.
3. А.К. Якимович. Двадцатый век. Искусство. Культура. Картина мира. М., 2003, стр. 33.
4. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН т. 131, М., 2000, стр. 64.
5. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН. т.128. М., 99, стр. 425).
6. В.С. Соловьёв. Сочинения. т. 2, М., «Наука», 2000, стр. 180-181. Есть все основания полагать, что под именем Памфил скрывается Памфил Данилович Юркевич (1827-1874). Бывший убеждённым спиритом, друг и учитель Вл. Соловьёва, создатель кафедры философии Московского университета, скончавшийся осенью 1874 года. По всей видимости, фрагмент написан позже, диктующий обращается к Вл. Соловьёву из потустороннего мира. Здесь же впервые в творчестве Соловьёва появляется формула «Ex Orient lux». («С Востока свет»), вынесенная затем в заглавие одного из ключевых для Соловьёва стихотворений 1890 года. *Universum, unum, unum versum* - вселенная, единое, единое опрокинутое (лат.).
7. П.А.Флоренский. Имена. М., 2000, стр. 393 - 411.

8. «Культура и время» № 4, 2005, стр.95.
9. П.А. Флоренский. Философия культа. ФН. т.133, М., 2004, стр. 132-142.
10. Павел Флоренский и символисты. М., 2004, стр. 343-344)
11. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН, т.122, М., стр.470.
12. «Новая Эпоха». № 20, стр. 64.
13. Вл. Соловьёв. Смысл любви. М., 91. стр. 28-40.
14. (отсутствует).
15. Вяч. Иванов. Родное и вселенское. М., 94, стр. 364.
16. «Культура и время». № $\frac{3}{4}$, за 2003 год.
17. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН, т. 127, М.,98,
18. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН, т. 124, М.,96, стр.596-598.
19. Которая вызывает смущение некоторых друзей Флоренского и злорадство некоторых его врагов (2.658-662). А ведь соблазн рассеять просто: в данной статье (18.591-621), размышляя на примере о. А. Мечева о природе святости, Флоренский описал **свой** опыт преображения. Почему он так сложно зашифровался? Дело не в одной только личной скромности, но и в неумолимом законе: о пережитом при посвящении в мистерии прямо говорить нельзя.
20. В 1914 он закончил «Столп..» словами: «Чтобы притти к Истине, надо отрешиться от самости своей, надо выйти из себя; а это для нас *решительно невозможно*, ибо мы - плоть. Но, повторяю, как же именно в таком случае, ухватиться за Столп Истины? - Не знаем, и знать не можем». К августу 1923, когда была написана статья «Рассуждение...» он уже знал, *как* это сделать: самому стать Столпом Истины.